

# РУССКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА

УДК 821.161.1

С. Л. Шариков

## ДУХОВНЫЙ СИМВОЛИЗМ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Исследуется вопрос художественной символизации в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Теоретической базой исследования служит краткий анализ истории вопроса, рассмотрение историко-культурных типов символизма, разграничение символизма естественного и символизма духовного. Духовный символизм как основа художественного мышления писателя впервые появляется в романе «Преступление и наказание». Примером репрезентации духовного символизма в романе является образ Пульхерии Александровны Раскольниковой, полемически заостренный писателем по отношению к антропологическим идеям Ф. Шиллера. В заключение делается вывод о типологической связи между героями романа в контексте духовного символизма.

**Ключевые слова:** *духовный символизм, естественный символизм, притча, антропология, Шиллер, Достоевский, Пульхерия Александровна, художественный образ, идея своеволия.*

Произведения Ф. М. Достоевского отличаются насыщенным, сложным и развитым символизмом. Символическое средостение образов, мотивов, сюжетов – всех уровней художественного целого – имеет более чем вековую историю истолкования в достоевковедении. Вместе с тем область теоретического изучения символического мирозерцания писателя до сих пор остается недостаточно исследованной. В начале XX столетия о символизме Достоевского пишут мыслители и теоретики искусства Серебряного века, в частности о. Сергей Булгаков и Вячеслав Иванов. В их работах символ осмысливался в русле традиции неоплатонизма и немецкой романтической философии и увязывался с понятием мифа.

О новом типе символизации в романе «Преступление и наказание» пишет К. Мочульский: «Мир природный и вещный не имеет у Достоевского самостоятельного существования; он до конца очеловечен и одухотворен. Обстановка всегда показана в преломлении сознания, как его функция. Комната, где живет человек, есть ландшафт его души» [1, с. 363]. В этой логике, мир внешний – это своеобразная проекция мира внутренне-

го. В русле концепции полифонизма М. М. Бахтин говорит о связи души с образами героев. С точки зрения исследователя, «внутренние противоречия и внутренние этапы развития одного человека он (Достоевский – С. Ш.) драматизирует в пространстве, заставляя героев беседовать со своим двойником, с чертом, со своим alter ego, со своей карикатурой (Иван и черт, Иван и Смердяков, Раскольни-

ков и Свидригайлов и т. п.). У Достоевского явление парных героев объясняется этой же его особенностью. Можно прямо сказать, что из каждого противоречия внутри одного человека Достоевский стремится сделать двух людей, чтобы драматизировать это противоречие и развернуть его экстенсивно» [2, с. 37]. Такое представление, на взгляд автора, во многом соответствует художественному мирозерцанию Достоевского. Но у Бахтина внутренний мир сводится к точке зрения, то есть к сознанию, поэтому глубина человека, жизнь его сердца или души оказываются за границами внимания исследователя. Когда мы говорим о жизни души в христианском ее понимании, то речь идет не о выяснении и выявлении-преодолении противоречий, а о движениях души по направлению к Богу или от Бога. Эти движения многовидны, имеют разную степень интенсивности и отображаются на внешнем человеке, то есть в его мыслях и чувствах, мироотношении, поступках. Но тогда следует говорить не о диалогизации, а о символизации, так как проявление «внутреннего человека» в «человеке внешнем» и есть символ.

С 1990-х годов большой интерес вызывают библейские характер и содержание символизма писателя. В работах Т. А. Касаткиной, К. А. Степаняна, В. Н. Захарова, Ю. Ф. Карякина и других ученых исследован символический-образный аспект поэтики Достоевского, выявлены проблемы изучения символического мирозерцания писателя.

Так, например, в статьях К. А. Степаняна выдвигается точка зрения о том, что в творчестве Достоевского имеет место символизм на уровне худо-

жественной детали, образ же человека писатель воссоздает вне символической структуры. Почему? Символ предполагает наличие двух миров – высшего и низшего. Для Достоевского же «реальность евангельская» и «сегодняшняя реальность человеческая», «одинаково подлинны» [3, с. 46]. Символизму исследователь противопоставляет «реализм в высшем смысле».

Анализ концепции Степаняна – тема для отдельного исследования. Хотелось обратить внимание на сам факт обозначения уровней символической детали и уровня изображения человека, на взгляд автора, продуктивный в исследовании данной проблемы.

Признавая сам факт разных изобразительных уровней, предлагаем говорить не о символизме и реализме, а о двух типах символизма, которые с достаточной степенью отчетливости различаются не только в творчестве Достоевского, но и в истории мировой словесности в целом. Обозначим эти типы как символизм естественный и духовный. О чем идет речь?

В христианской культуре появляется новое понимание символизма. Приведем слова апостола Павла, «Ибо открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человека, подавляющего истину неправдою. Ибо, что можно знать о Боге, явно для них (Иудея и Еллина – С. III.), потому что Бог явил им. Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они безответны» (Рим. 1: 18–25).

В этих словах раскрывается символическая природа видимого, доступного чувствам мира, в проявлениях которого открывается разумность бытия. Постигание невидимого в видимом доступно всякому человеку – для этого достаточно усилий природного, естественного разума. Поэтому и такой символизм можно назвать естественным. Но есть и духовный символизм. О его основаниях говорит св. Максим Исповедник: «И если невидимое зрится посредством видимого, как написано (у апостола Павла – С. III.), то для преуспевших в духовном созерцании легче постигнуть видимое через невидимое» [4, с. 160].

Познание невидимого через видимое – это только начало познания. Для духовно преуспевшего человека открывается видимое через невидимое. «Духовно преуспевшим» св. Максим, в согласии со святоотеческой традицией, называет человека, стяжавшего благодать Святого Духа, соединившегося с Богом в божественном свете или в божественных энергиях. Разум и чувства при благодатном соединении с Богом приобретают вышеестественные свойства, они становятся обоженными, преображенными. Видение сотворенного мира в свете

божественных энергий и означает познание видимого через невидимое. Преображенный, обоженный разум видит мир как школу спасения человека, так как в каждом элементе бытия, в событиях человеческой истории содержится поучительный момент, помогающий познавать духовные законы, по которым живет и возрастает душа. В полноте такое мировидение воплощено в Священном Писании и трудах Святых Отцов. Об этом пишет св. Макарий: «Все было написано (в Ветхом Завете – С. III.) ради теперь бываемого в душе» [5, с. 153]. То есть в событиях, вещах, деталях Священного Писания просматривается, выявляется некая закономерность, которая действует и в духовном мире, в котором живет душа.

Отличается естественный символизм от символизма духовного, стало быть, тем, что первый опирается на естественный разум, а духовный символизм – на разум преображенный. Это духовное, мировоззренческое, эстетическое открытие и делает для себя Достоевский в «Записках из подполья», которые станут прологом к «Преступлению и наказанию» и в которых появится ключевая для всего произведения фраза: «А без чистого сердца – полного, правильного сознания не будет» [6, с. 122]. Во-вторых, телеология естественного символизма состоит в том, чтобы заглянуть за черту видимого и установить «как есть мир», как он устроен в своих онтологических основаниях; в духовном символизме в видимом мире прозревается то, что раскрывает мир души.

Очевидным указанием на то, что художественное мышление автора «Преступления и наказания» разворачивается в границах духовного символизма, является ключевая сцена романа, помещенная в его композиционный центр, – чтение Соней из Евангелия от Иоанна о воскрешении Лазаря. Воскрешенный Христом Лазарь – это Раскольников. Но ведь герой в романе не умирает. Речь идет о душе героя, которая умирает и воскресает. То есть, согласно словам св. Макария, в событиях Священного Писания символически раскрывается то, что происходит в душе.

Если же говорить в целом о романе, то в нем идет речь не только о душе конкретного героя – Раскольникова, а о душе как таковой. Другими словами, образы действующих лиц произведения символизируют разные этапы становления человеческой души.

Какой же момент духовной жизни берется в романе? Здесь стоит привести притчу из книги пророка Иезекииля, в которой раскрываются реалии духовного мира, актуальные для духовно-нравственного содержания романа. Это притча о маленькой девочке. Она умирала, брошенная родителями, в поле, без одежды, не омытая от крови. Но ей

не суждено было умереть: ее заметил, проходивший мимо человек. Он пожалел ребенка: омыл, очистил и одел девочку; когда она выросла в прекрасную девушку, сделал ее своей женой. Девушка была наряжена и украшена, ни в чем не нуждалась. По народам пронеслась слава о ее красоте. Теперь ей предстояла жизнь в качестве возлюбленной жены, но она отказалась нести труды и лишения супружеской жизни и предалась разврату, распространяя блудодейство на всякого встречного (Иезек. 3: 22). Притча повествует о судьбе богоизбранного еврейского народа. Но это притча и о душе, познавшей радость богообщения, радость встречи с Богом, но не пожелавшей трудиться. Человека создал Бог, дал заповеди, чтобы человек не искалечился, не повредился. Исполнение заповедей связано с трудом над собой. Когда человек обретает веру, ему многое дается даром: чувство радости, приподнятость духа, радость открытия подробностей и тайн духовной жизни. Человек меняется, его душа взрослеет. И наступает время, когда уже благоустроенная душа останавливается перед необходимостью жертвы, то есть когда наступает понимание, что дальнейший духовный рост связан с путем жертвенной самоотдачи, отказа от своеволия. И вот тогда открываются две дороги: путь, данный Богом, путь отсечения своей воли, или путь сочетания веры и своеволия.

В романе «Преступление и наказание» изображена душа на пути своеволия. В образах героев символически изображены вехи, особенности своевольного движения души.

В пределах статьи мы остановимся на особенностях построения образа Пульхерии Александровны, матери Раскольникова, в контексте духовного символизма, так как в движениях души, поступках этого персонажа выражается начальная стадия своеволия: она всего лишь не ставит Бога на первое место, так как это место занимает любовь к сыну. Но эта, казалось бы, простительная слабость ведет к нарушению главных христианских заповедей любви, что хорошо просматривается в письме Пульхерии Александровны: «Люби Дуню, свою сестру, Родя; люби так, как она тебя любит, и знай, что она тебя беспредельно, больше себя самой любит» [7, с. 34]. Здесь прямое нарушение главной заповеди любви к Богу больше себя самого. Такую любовь Пульхерия Александровна – больше себя самого – призывает отдать человеку. Об этом свидетельствует и композиция письма, которая задана повторяющейся в начале и конце фразой: «Ты знаешь, как я люблю тебя; ты один у нас, у меня и у Дуни, ты наше все, вся надежда, упование наше» [7, с. 34]. Эта фраза противоречит заповеди возложения всей надежды на Бога. Символично, что за обозначенную раму письма, заданную

указанной фразой, вынесены слова о Боге: «Молитесь ли ты Богу, Родя, по-прежнему и веришь ли в благость Творца и Искупителя нашего?» [7, с. 34]. С одной стороны, это можно понять, как вынесение отношений человека с Богом в особое, сакральное, пространство. Но приведенные выше фразы позволяют говорить о том, что любовь к сыну ставится выше любви к Богу. Когда земному воздается поклонение наравне с поклонением Богу, это называется сотворением кумира. Не случайно, после прочтения письма, Раскольников, хотя и с иронией, но называет себя Зевсом.

Тем не менее образ Пульхерии Александровны и ее детей вызывает у читателей «Преступления и наказания» симпатию. Более того, очевидно, что эта симпатия возникает не вопреки замыслу автора, а благодаря ему. Симпатию вызывают благородные поступки и благородные движения души Раскольникова, Разумихина, Пульхерии Александровны, Дуни, Свидригайлова, Порфирия Петровича и др. И тогда встает вопрос: если автор показывает духовную болезнь, зачем вызывать у читателя симпатию?

Представляется, что ответ следует искать в творчестве немецкого поэта Ф. Шиллера, имя которого неоднократно упоминается в романе. Считается, что в романе и в целом в 1860-е годы Достоевский критически оценивает антропологию Шиллера за то, что в ней человек идеализируется и не учитывается действенность сил зла. Это все так, но не только проблема идеализации была обнаружена Достоевским у немецкого поэта и мыслителя. В репликах Свидригайлова и Порфирия Петровича выявляется еще одна проблема, связанная с шиллеровским комплексом идей. Так, Свидригайлов замечает Раскольникову: «Шиллер-то в вас смущается поминутно. <...> Если же убеждены, что у дверей нельзя подслушивать, а старушенок можно лущить чем попало в свое удовольствие, так уезжайте куда-нибудь поскорее в Америку!» [7, с. 373]. Об этом же говорит Порфирий Петрович: «...убил, да за честного человека себя почитает...» [7, с. 348]. То есть шиллеризм – это не только наивное представление о природе человека, но это определенное устройство души, допускающее сосуществование в человеке благородства и греха.

Для лучшего понимания того, что увидел Достоевский в шиллеризме, следует обратиться к шиллеровской концепции «прекрасного человека». Изложение антропологических идей Шиллера находим в его работе «Письма об эстетическом воспитании человека». В человеке есть два полярных начала – физическое, чувственное (в этом смысле человек есть часть природы) и духовное, нравственное, свободное начало, отсутствующее

в природе. Сама по себе природа обладает полнотой и совершенством, но вне свободы, а по необходимости. Перед человеком стоит задача пересоздания дела необходимости в дело свободного выбора и возвышения физической необходимости в моральную. В моральном законе и в природном начале есть своя принудительность, поэтому путь к свободе лежит через третье начало – красоту: «Так как дух во время созерцания красоты находится в счастливой середине между законом и потребностью, то он, именно потому, что имеет дело с обоими, не подчинен ни принуждению, ни закону» [8, с. 300]. Будучи свободной от двух начал, красота одновременно содержит в себе чувственное и моральное, согласует их: «Чувственного человека красота ведет к форме и к мышлению, духовного человека красота направляет обратно к материи и возвращает чувственному миру» [8, с. 309]. Красоте соответствует особое состояние духа – эстетическое. В этом состоянии человек является нулем в том смысле, что он не ставит себе никаких целей (без цели человек не является человеком) ни в сфере познания, ни в практической деятельности. Единственно, что достигается этим состоянием, – человеку дается возможность сделать из себя то, что он хочет. Выражается «эстетическое состояние» духа в благородном и возвышенном поведении. Благородное поведение, соответственно, преодолевает нравственную обязанность, а возвышенное поведение возвышает все, к чему прикасается в себе и окружающем.

Если сравнить антропологию Шиллера с антропологией христианской (что и сделал Достоевский), то при сходстве некоторых положений очевидным становится их принципиальное несовпадение, что и помогает выявить взгляд писателя на шиллеровский идеал «прекрасной души». Главное различие проявляется в понимании «человека идеального» и в цели человеческой жизни. Цель христианской жизни состоит в соединении с Богом, чего без помощи Бога человек сделать не в силах. Опыт неспособности искоренить в себе страсти, мешающие соединению, рождает в человеке особое состояние смирения. Смиранный человек видит свое недостойнство перед Богом, видит себя хуже других. Но только в этом состоянии возможна истинная вера, истинная молитва и истинная духовная жизнь. Если же не ставятся цели совершенства, превышающие человеческие силы, смирение становится недостижимым, как и внутренняя, духовная жизнь. Жизненная, практическая, опора на Бога оказывается невозможной, и тогда человек поневоле начинает опираться на свои силы и его внимание сосредотачивается не на жизни «внутреннего человека», а на жизни «человека внешнего». А это, в свою очередь, приводит к тому,

что человек начинает сравнивать себя с другими, начинает видеть в себе, наряду с недостатками, и добродетели, то есть видит себя не хуже других. В христианстве подобное состояние духа признается за болезнь души и называется фарисейством.

У Шиллера «идеальный человек» означает гармонию (сочетание противоположностей – из античной философии) природного и морального, и эта цель вполне достижима человеческими усилиями. Достижение гармонии состоит в особом состоянии духа, которое выражается в благородном и возвышенном поведении. Благородное поведение преодолевает нравственную обязанность, а возвышенное поведение возвышает все, к чему прикасается в себе и окружающем.

Совершая поступок, превышающий нравственные требования, человек невольно видит себя не хуже других, а смирение при таком устройении недостижимо. Другими словами, то, что в православии называется духовной болезнью, у Шиллера выдвинуто в качестве духовно-нравственной нормы.

Подобное устройство духа опасно тем, что человек не видит себя в истинном свете, соблазняется в отношении себя и не может не соблазняться: если в христианстве творение дел добродетели вменяется в обязанность, то благородный поступок, благородное движение души – дело свободного выбора. Так, Пульхерия Александровна с тревогой спрашивает сына: верит ли он по-прежнему в Промысел Божий, но сама-то не ищет помощи у Бога, что хорошо видно из ее слов: «Но теперь, слава Богу, я, кажется, могу тебе еще выслать, да и вообще мы можем теперь даже похвалиться фортуной, о чем и спешу сообщить тебе» [7, с. 28]. В пространстве одного предложения соединены Бог христиан и древнеримская богиня удачи. Часто Фортуна изображается в виде колеса – это образ мира, который оборачивается к человеку своими различными сторонами, радостью и горем, удачей и неудачей. Не случайно Пульхерия Александровна Бога славит, а фортуной хвалится, так как в начале благоприятно сложившихся обстоятельств оказывается благородный поступок Дуни в семье Свидригайловых. Благородство девушки оценила Марфа Петровна, и вот уже благодаря ее хлопотам устраивается сватовство Лужина с перспективами для Раскольникова. Перемена общественного мнения в отношении Дуни стала причиной увеличения кредита у купца Афанасия Ивановича. Счастливое изменение хода событий воспринимается Пульхерией Александровной не как дар Божий, а как плод человеческих усилий. Поэтому «слава Богу» звучит в письме только как этикетное выражение. Ложь перед Богом рождает и ложь в межличностных отношениях. С одной стороны, она готова пожертвовать

дочерью ради первенца, с другой – полностью не доверяет ему: «Его характеру я никогда не могла довериться, даже когда ему было только пятнадцать лет» [7, с. 166]. Если Пульхерия Александровна в отношении к Богу прельщается, обманывает себя, то ее сын откровенно отказывается от веры: «Я не верю в будущую жизнь, – сказал Раскольников» [7, с. 221]. Герой надеется на человеческие силы и власть: «Свободу и власть, а главное власть! Над всею дрожащею тварью и над всем муравейником» [7, с. 253].

Опора на свои силы, гордость и стремление к власти связаны друг с другом неразрывно и являются определяющими в характерах Раскольникова,

Свидригайлова и Лужина: власть идеи, власть желаний, социальная власть движут героями и толкают их на путь отпадения от Бога [9, с. 24].

Детальное изучение данных образов в контексте духовного символизма – тема следующей статьи. Главная же цель данной работы – определение понятий «естественный символизм» и «духовный символизм» и их применение в раскрытии особенностей художественной символизации у Достоевского. В ходе исследования удалось выявить, что логика характеров персонажей связана с идеей своеволия, степень и последовательность которого символически выражена на словесном, образном и сюжетном уровнях текста.

### Список литературы

1. Мочульский К. В. Достоевский. Жизнь и творчество // К. В. Мочульский. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. 574 с.
2. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского // М. М. Бахтин. Собрание сочинений. В 7 т. М.: Русские словари, 2000. Т. 2. 800 с.
3. Степанян К. А. Явление и диалог в романах Ф. М. Достоевского. СПб.: Крига, 2009. 400 с.
4. Максим Исповедник, преподобный. Мистагогия // Максим Исповедник. Творения. Аскетические трактаты. В 2 кн. Кн.1. М.: Мартис, 1993. 354 с.
5. Макарий Великий, преподобный. Творения. М.: Паломник, 2002. 640 с.
6. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 5. 408 с.
7. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 6. 424 с.
8. Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека // Фридрих Шиллер. Собрание сочинений. В 7 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. Т. 6. Статьи по эстетике. 792 с.
9. Кошечко А. Н. Достоевский и апостасия: к вопросу об атрибутивных характеристиках экзистенциального сознания // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2013. Вып. 11 (139). С. 23–31.

Шараков С. Л., кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.

**Новгородский музей-заповедник. Старорусский филиал «Дом-музей Ф. М. Достоевского».**

Набережная Достоевского, 8, Старая Русса, Россия, 175200.

E-mail: ssharakov@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 09.03.2016.

*S. L. Sharakov*

### SPIRITUAL SYMBOLISM IN THE NOVEL “CRIME AND PUNISHMENT”

The article explores the artistic symbolization in the F. M. Dostoevsky's novel “Crime and Punishment”. The short analysis of the historical background, consideration of historical and cultural types of symbolism, differentiation of symbolism “natural” and symbolism “spiritual” forms theoretical base of research. Spiritual symbolism as a basis of art thinking of the writer for the first time appears in the novel “Crime and punishment”. An example of representation of spiritual symbolism in the novel is Pulcheriya Alexandrovna Raskolnikova's image polemic pointed by the writer in relation to anthropological ideas of Fr. Schiller. In the conclusion the article says about the typological connection between the characters of the novel in the context of spiritual symbolism.

**Key words:** *spiritual symbolism, natural symbolism, parable, anthropology, Schiller, Dostoyevsky, Pulcheria Alexandrovna, image, idea of self-will.*

### References

1. Mochul'sky K. V. Dostoevskiy. Zhizn' i tvorchestvo [Dostoevsky. The life and work]. *Gogol'. Solov'ev. Dostoevskiy* [Gogol. Dostoevsky. Solov'yov]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 574 p. (in Russian).
2. Bakhtin M. M. Problemy tvorchestva Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's works]. *Bakhtin M. M. Sobraniye sochineniy v 7 tomakh* [Works in 7 vol.]. Moscow, Russkiye slovari Publ., 2000. V. 2. 800 p. (in Russian).
3. Stepanyan K. A. *Yavleniye i dialog v romanakh F. M. Dostoevskogo* [Phenomenon and dialogue in the novels of F. M. Dostoevsky]. St. Petersburg, Kriga Publ., 2009. 400 p. (in Russian).
4. Maksim Ispovednik, prepodobnyy. Mistagogiya [Mistagogii]. *Maksim Ispovednik. Tvoreniya. Kn. 1. Asketicheskiye traktaty. V 2 kn. Kn. 1* [Creation. Ascetic treatises. In 2 books. Book 1]. Moscow, Martis Publ., 1993. 354 p. (in Russian).
5. Makariy Velikiy, prepodobnyy. *Tvoreniya* [Creations]. Moscow, Palomnik Publ., 2002. 640p. (in Russian).
6. Dostoevsky F. M. *Polnoye sobraniye sochineniy v 30 tomakh* [The Complete works in 30 volumes]. Leningrad, Nauka Publ., 1973. V. 5. 408 p. (in Russian).
7. Dostoevsky F. M. *Polnoye sobraniye sochineniy v 30 tomakh* [The Complete works in 30 volumes]. Leningrad, Nauka Publ., 1973. V. 6. 424 p. (in Russian).
8. Schiller Fr. Pis'ma ob esteticheskom vospitanii cheloveka [Letters on the aesthetic education of man]. *Friedrich Schiller. Sobraniye sochineniy v 7 tomakh* [Complete Works in 7 volums]. Moscow, Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., T. 6 *Stat'i po estetike* [Vol. 6. Aesthetic articles]. 1957. 792 p. (in Russian).
9. Koshechko A. N. Dostoevskiy i apostasiya: k voprosu ob atributivnykh kharakteristikakh ehkzistentsial'nogo soznaniya [Dostoevsky and apostasy: the problem of attributive characteristics of the existential consciousness]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2013, no. 11 (139), pp. 23–31 (in Russian).

Sharakov S. L

**Novgorod Museum-Reserve. Old Russian branch “House-Museum of F. M. Dostoevsky”.**

Naberezhnaya Dostoevskogo, 8, Staraya Russa, Russia. 175200.

E-mail: ssharakov@yandex.ru